

ВОСПИТАНИЕ ГОРЬКОГО И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ.

И. Комаров.

Горький по вопросам воспитания специально не работал, хотя в ряде своих произведений («Детство», «В людях» и друг.) дал нам поистине художественное захватывающее, глубоко-содержательное описание своего воспитания. И все-таки мы вполне можем говорить не только о воспитании Горького, но и о его педагогическом идеале, и должны об этом говорить. В крайнем случае мы обязаны говорить о необходимости использования трудов Горького для понимания и уточнения советского идеала воспитания. Здесь работы непочатый край, здесь — целина.

В пределах журнальной статьи сколько-нибудь обстоятельно разработать этот вопрос невозможно, придется дать лишь отдельные штрихи — мазки на эту тему.

Горький — признанный широкими массами трудящихся воспитатель. Недаром многократно это подчеркивалось и подчеркивается во всей юбилейной литературе о Горьком, недаром Горький — наиболее читаемый писатель в рабочих районах. Это же весьма содержательно подчеркивается во многих приветствиях, посланных Горькому в Сорренто. Беру наугад. Приветствие комсомольской организации Москвы: «Многие в вашем лице будут приветствовать большого художника, неутомимого борца, но мы, кроме этого, видим в вашем лице еще вечно молодого друга и учителя».

У Горького есть чему поучиться, есть где понабраться у него силы, бодрости, воли.

Воспитание Горького.

Горький получил в общем такое воспитание, какое в свое время получал пролетариат в целом. Труд с самых ранних лет в семье, затем — в людях, большая доля путешественности-экскурсионности: везде — своим умом, везде своим горбом, — это, в конце концов, факторы положительного воспитания. Правда, труд часто был тяжел и утомителен, путешественность — чрезмерной и поэтому тоже тяжелой, но, в конце концов, это все же школа жизни, как она есть, без прикрас. Недаром в свое время Маркс говорил о прогрессивном характере тенденции «привлекать к участию в производительном труде детей», хотя тут же подчеркивал всю ненормальность этого явления при господстве частной собственности, когда дети беспощадно эксплуатируются. Горький все же получил трудовое интегральное воспитание, хотя и многоремесленное, а не фабричное; с этой точки зрения он ремесленный пролетарий.

«Мастеровой малярного цеха», как значилось в паспорте, ко времени своего первого рассказа уже побывал поваренком на пароходе, служил в крендельном заведении, побывал мальчиком в магазине обуви, был пильщиком дров, работал грузчиком, хлебопеком, состоял юристом, торговал яблоками, птицами, был письмоводителем у адвоката, был железнодорожным сторожем, работал в тифлисских железнодорожных мастерских» (Львов-Рогачевский). По разнообразию своих профессий он не имеет равного себе в истории литературы. Гроссман отмечает вполне верно следующее: «Сквозь все эти ремесла и дела Горький проходил с неизменным чутьем, любопытством и впечатлительностью крупного художника»... Видимо, Горький в известной степени исследовал труд и трудовые процессы, а не только механически их выполнял, да ему и некогда их было выполнять механически, раз он так скоро переходил от одного дела к другому. Здесь есть нечто от нашего политехнизма: сознательное отношение к процессу труда, любовь к труду. «Горький любит ремесла и охотно обращается к их изображению. Если взглянуть в его творчество, не трудно убе-

даться, что в своих рассказах и мемуарах он развернул разнообразнейшие виды ручного труда» (Гроссман). Это — положительное в воспитании или вернее в с а м о в о с п и т а н и и Горького, если, конечно, мы отбросим все огромное ненормальное, что вносил старый порядок в жизнь каждого человека и всего общества. Приходится восторгаться Горьким, который так мужественно преодолел все западни старого порядка и не покачнулся перед ним.

Дошкольное воспитание Горький получил в семье.

Вот «картинка» воспитания в семье: «Дед засек меня до потери сознания и несколько раз я хворал, валяясь вверх спиной на широкой жаркой постели в маленькой комнатке с одним окном». И добавляет: «Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех пор у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой» («Детство» — стр. 25).

Много таких «картинок». А сколько их было в жизни каждого маленького пролетария или сына бедноты! «Лексей, — позвал меня дед — иди ближе! Ну, кому говорю? Вот гляди, как секут... Раз!.. Невысоко взмахнув рукой, он хлопнул по голому телу. Саша взвизгнул» («Детство» — 24 стр.).

Народный учитель должен непременно об этом рассказать, об этом прочитать у Горького детям наших дней, чтобы они знали об ужасах прошлого.

А вот «поучение»: «Когда тебя секут, ты гляди, не сжимайся, не сжимай тело-то, — чуешь? Вдвойне больней, когда тело сожмешь, а ты распусти его свободно, чтобы оно мягко было, киселем лежи!...».

Будем рисовать далее картину воспитания Горького. Горький рано лишился отца. Алеша видел часто ужасные сцены (Цыганок, задавленный крестом и друг.). А смертный бой продолжался «для порядка», продолжались угрозы «розгами» со стороны деда. С ними он вошел в школьный возраст детства. Ученье началось «своеобразно», ученье—мученье; учиться—значит вырывать горький корень и дожидаться сладких плодов. Приведем эту картину. Горький ее описывает великолепно через контрасты:

«Помню был тихий вечер... В саду, вокруг берез, гудя, летали жуки, бондарь работал на соседнем дворе, где-то близко точили ножи; за садом, в овраге, шумно возились ребятишки, путаясь среди густых кустов. О ч е н ь м а н и л о н а в о л о у... Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня:

«Ну-ка, ты, пермяк, солены уши, поди сюда. Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: Аз! Буки! Веди! Это — что? — «Буки». Попал! Это? — «Веди!» Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, — это что? — «Добро». Попал! Это? — «Глаголь». Верно! Это?... Он долго меня гонял по алфавиту, спрашивая и вряд, и вразбивку; он заразил меня своей горячей яростью, я т о ж е в с п о т е л и кричал во все горло».

Так началась учеба для Алеши. Так у нас не учат, но одно еще встречается: мы часто на 100% игнорируем природу, забывая о ней, запираем детей в стены школы, даже в весеннее время.

Горький усваивал грамоту легко. Вскоре он уже читал по-складам псалтирь. Религиозное содержание псалтиря слабо «приставало» к Алеше, как слабо усваивалась и «словесность» этого рода. Дед спрашивал:

«Отвечай мне (Алексей), сколько есть чинов ангельских?».

«Я отвечал и спрашивал»: «А кто такие чиновники?».

Характерной особенностью воспитания Алеши в раннем детстве было почти полное отсутствие детской среды — товарищества, поэтому он с особым чувством описывает встречи с детьми соседей (барчуков), драки с детьми (один против всех) и некоторые другие сцены. Приведем одну картинку.

«Почти каждый день на дворе (Овсянникова), от полудня до вечера, и г р а-ли трое мальчиков, одинаково одетые в серые куртки и штаны... Я наблюдал за ними в щели забора, они не замечали меня, а я хотел, чтобы заметили. Нравилось мне, как хорошо, весело и дружно они играют в незнакомые игры»...

Встреча не состоялась, «кто-то в форточку окна крикнул: «Дети—марш домой!». Встреча состоялась в другой раз, когда Алеша помог вытащить из колодца одного из мальчиков, упавшего в него при игре в прятки. Алеша с трудом поверил, что и их бьют: «Было обидно за них». И хотя полковник был против детской дружбы, «знакомство с барчуками продолжалось».

Между тем началось ученье «гражданской» грамоте. Учила мать по «Родному слову». Алеша «премудрость» эту одолел в несколько дней. За шалости мать ставила сына в угол, сын не понимал такого наказания. Маленькому Горькому не привились «слезливые» стихотворения, вроде: «И вечерней, и ранней порою много старцев и вдов и сирот под окошками ходит с сумою»...

Перед Алешей в раннем детстве прошли «три домашних учителя»: бабушка со сказками, дедушка с псалтирем на славянском языке и мать с «Родным словом» — на русском языке.

После домашнего обучения началось — школьное. «С первого же дня школа вызвала во мне отвращение... С мальчиками я скоро поладил, но учитель и поп не взлюбили меня... Несколько дней я сидел в первом отделении, на передней парте, почти вплоть к столу учителя — это было нестерпимо: казалось, он никого не видит, кроме меня, он гнусел все время: «Песков, перемени рубаху-у! Песко-ов, не вози ногами! Песков, опять у тебя, с обуви лужа на-текла-а!» Я платил ему за это диким озорством».

Также не любил Алешу и поп за то, что у него не было «священной истории ветхого и нового завета». Часто такого ученика отсылали домой.

Характерно следующее замечание маленького Горького: «Это меня не очень огорчало, я уходил и до конца уроков шатался по грязным улицам слободы (Кунавино), присматриваясь к ее шумной жизни».

Таким образом, школа, в которой учился Алеша, была такой же суровой средой, как и семья, семья — как школа. Больше этого, если в семье Алеша получал кое-какие трудовые навыки, которые емугодились в последующей жизни, то здесь была голая учеба, школа учебы. Нам понятно, почему маленький Горький уходил из нее в жизнь, в окружающую «шумную жизнь».

Скоро после этого умерла мать Алеша. А через несколько дней после похорон матери дед сказал: «Ну, Лексей, ты не медаль, на шее у меня не место тебе, а иди-ка ты в люди!».

Начался новый этап в жизни Максима Горького — Алексея Пешкова — в людях, описанный им в большой работе такого же названия. Этап чрезвычайно богатый впечатлениями, переживаниями. То, что начато было в семье и школе — уход «в шумную жизнь» — здесь стало обычным, и Максим Горький стал активным участником шумной жизни, получая в ней, как мы отметили в начале статьи, много ремесленное воспитание-обучение.

Не оставляло Горького одно его намерение: получить образование в университете, для чего он уехал в Казань, но голод заставил его поступить в булочную крендельщиком; кроме этого, Горький пришел к убеждению, что проникнуть в «храм науки» для пролетария — неразрешимая задача. Эту пору жизни Горький прекрасно описал в книге «Мой Университет». Пребывание в Казани для него имело большое значение: Горький сблизился с некоторыми студентами, которые ввели его в нелегальные кружки, где он получил впервые теоретическую базу под ту практику жизни, которая накапливалась с детства. Не могу не привести слов самого Горького об этом: «В детстве (а можно сказать и во все последующее время) я представляю сам себя ульем, куда разные

простые, серые люди сносили, как пчелы, мед своих знаний и дум о жизни, щедро обогащая душу мою, кто чем мог. Часто мед этот был грязен и горек, но всякое знание — все-таки мед»...

Огромная жажда знания и огромная воля к получению его дали возможность Горькому выдвинуться самостоятельно в число работников с мировыми именами. Это путь рабочего класса, авангарда рабочего класса в целом.

Педагогический идеал Горького.

Горький — самоучка. Наука, искусство, культура дались ему в жесточайшей и упорнейшей борьбе. Он поистине грыз молодыми зубами гранит науки. Его автобиографические рассказы показывают этот трудный путь. Вот почему Горький близок нам, той части интеллигенции, которая вышла из недр народной стихии, которая не бездарна, которая выводит из нутра своего «столько славных». Горький — истинный сын демоса. Но, «выйдя из того ада, который у нас называют жизнью народной, пройдя все девять кругов мытарств и страданий, полагающихся по законам нашего общества на волю среднего пролетария, М. Горький вынес оттуда крик бездонного горя и жгучую ненависть к виновникам этого горя» (Воровский). Эта ненависть выросла у него в радость жизни, в радость борьбы за лучшее, за «осмысленный труд». Горький рисует идеал человека, борца с виновниками народного горя, со всякой слепой силой, с безликим бездушным хаосом. Этот человек спокойно «верит в свою правду» («Враги»), этот человек — педагогический идеал Горького. Воспитание по Горькому — воспитание человека-борца, Горькому противно видеть тех, «кто успел разжиреть, опуститься и устроить себе мещанское благополучие» (Воровский).

Недаром еще Нил в «Мещанах» говорит: «На все средства души моей удовлетворяю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и этак, тому помешать, этому помочь... вот в чем радость жизни».

Во «Врагах» рабочие, выведенные Горьким, говорят еще определенной. Левшин, добрый, всепрощающий, там, где требуется смести преграду, заявляет: «Злого и убить. Добрый сам помрет». «Левшин полон любви, но диалектика общественной жизни отражается в его душе в виде диалектики чувства, и любовь делает его борцом, способным на самые суровые решения» (Плеханов). «Радость бури, пламя страсти», «чем страшнее, тем лучше» — вот что характерно и для всех других подобных. «Мать» также дает богатый материал для работы над вопросом о психологии рабочего класса, того коллективного человека, который, будучи вскормлен и воспитан в классовой борьбе, победит хаос. Горький с большой энергией рисует таких людей в своих произведениях. Если мы возьмем только аллегории Горького — «Буревестник» и «Песнь о Соколе», — то найдем неисчерпаемый материал для создания образа борца-человека, смелого защитника правды. «Мы всех убиваем нашими делами» (Левшин).

Ореолом святости Горький окружает образ матери, воспитывающей человека-борца. «Родился человек, — и вспомните, как восторженно описал он это в своем рассказе... какими прекрасными кажутся ему ее (матери) глаза, «насквозь промытые слезами страданий, они были изумительно ясны, снова цвели и горели сильным огнем неисчерпаемой любви», — этот огонь для него дороже всего» (Вяч. Полонский).

Когда он вырастет, он будет товарищем, коллективистом, борцом с мещанством. Он будет товарищем в том лучшем смысле слова, как это художественно раскрыто Горьким в рассказе «Товарищ». Он будет проповедником культуры и труда, как и сам Горький. Он будет тем, кто прежде всего станет изменять мир; он будет рабочим — ленинцем — обновляющим жизнь, он будет социалистом, потому что он знает, что «социализм соединит разрушенный мир

в единое великое гармоническое целое, — и это будет!» («Мать»). Таков в суммарных чертах педагогический идеал Горького до революции. Горький знает, что воспитать его может только фабрика, классовая борьба. Проектов школьных реформ Горький не выдвигает, потому что знает, что при власти буржуазии школьные реформы — мираж и делаются в конце концов во вред трудящимся. Это ленинская постановка вопроса: нужно было готовить борца, его не могла подготовить школа и в ней ему делать нечего. Жизнь — вот школа. Коллективный труд, кружки, партия, демонстрации, пропаганда — вот школа борца.

И Горький действительно своими работами содействовал подготовке борца с миром ушедшего теперь навсегда прошлого. Неписанный педагогический идеал сделался явью в Октябре. Здесь ученик, воспитанный по Горькому, пошел дальше учителя, который на время отошел от ученика.

В настоящее время Горький с нами. Он следит за стройкой, развернувшейся у нас. Мы вполне можем говорить о педагогическом идеале Горького наших дней.

Этот идеал — строитель нового общества, идеал, за осуществление которого борется весь рабочий класс СССР под руководством компартии на всех фронтах: хозяйственном, политическом, культурном, — «во всех медвежьих углах и берлогах» (Горький). «Очень трогательные и удивительно интересные письма пишут мне разные маленькие строители новой жизни из глухих углов страны» — сообщает Горький. Горький намечает в свой приезд в СССР побывать у комсомолов-буревестников и соколов нашего времени, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально-опасных детей, у рабкоров и селькоров и т. д. Это указывает на то, что Горький сочувствует нашему культурно-общественному идеалу строителя. Он шлет издалека привет: «Бодрее, товарищи, учитесь чувствовать себя и на малом деле большими людьми!» Как это похоже на Ленинское: «Выполнять задачу общего труда, — лускай самую малую, самую простую»....

В заключение остановлюсь на литературных выступлениях Горького в самые последние дни, явившихся результатом той активной переписки, которая установилась между молодежью СССР и Горьким, живущим в Сорренто. Горький отвечает литкружку профтехнической школы в Покровске на запрос кружка, пролетарский он писатель или нет. Ответ Горького чрезвычайно ценен для характеристики педагогического идеала автора. Пролетарский писатель здесь действительно воплотил в себе те качества человека-строителя социалистического общества, которого готовит наша школа. Какие это качества? «К ним относится активная ненависть писателя ко всему, что угнетает человека извне его, а также внутри его, все, что мешает свободному развитию и росту способностей человека, беспощадная ненависть к лентяям, паразитам, пошлякам, подхалимам и вообще негодьям всех форм и сортов. Уважение к человеку, как источнику творческой энергии, создателю всех вещей, всех чудес на земле, как борцу против стихийных сил природы и создателю новой «второй» природы, создаваемой трудами человека, его наукой и техникой — для того, чтобы освободить его от бесполезной затраты его физических сил... поэтизация коллективного труда, цель которого — создание новых форм жизни, таких форм, которые совершенно исключают власть человека над человеком и бессмысленную эксплуатацию его сил. Оценка писателем женщины, как верного товарища и помощника в трудном деле жизни. Отношение к детям, как к людям, перед которыми мы все ответственные за все, что делаем» (Горький).

Далее он советует молодежи выполнять Ленинский завет: «Это обязывает вас дружно и усердно учиться, прежде всего — учиться. Чем больше знает человек, тем он сильнее. Вы, авангард рабочей силы Союза Советов, должны знать, что для трудящейся массы всей нашей планеты вы являетесь примером

и уроком, что к вам прислушиваются десятки миллионов ушей, присматриваются десятки миллионов глаз» (Горький). Далее Алексей Максимович, излагая свое кредо, высказывает буквально наши взгляды на воспитание, о влиянии среды на воспитание: «Человек по натуре своей не «негодяй», а существо испорченное отвратительной организацией классового государства... Вы, молодежь, должны знать и помнить, что есть люди, которым выгодно и необходимо утверждать, что «негодяйство» есть «врожденное свойство человека»... В основе этой проповеди — открытое стремление ограничить, убить волю человека к лучшей жизни, к свободе труда и творчества».

Со всей решимостью высказывается Горький против «хитрых проповедников» — «теории эволюции» (биогенетического закона)... отвергнувших Советский проект полного разоружения.

Кем же быть?.. «Вы должны быть революционерами!» (Горький).

Советская педагогика вобрала в себя такое же содержание и цели. Трудящиеся СССР будут, не покладая рук, работать над выполнением этой программы воспитания, «радуясь тому, что Максим Горький с ними» (Халатов).

Высказался Горький и о том учебном материале, на котором нужно воспитывать подрастающее поколение, какая книга должна быть для этого создана, Книга эта должна быть высоко-художественной и «вымыслом глубокой». Горький боится, как бы кто-либо не смог «скомпрометировать педагогическую деятельность Советской власти» («О грамотности»).

Пожелаем Максиму Горькому поскорее увидеть наше культурное строительство «буревестников» и «соколов» культурной революции, которая во всю ширь разворачивается в СССР и в Нижегородском крае, с которым Горький связан многими годами своей жизни. Пусть Горький увидит новых Марко, добывших «красавицу фею», чтобы ее никому не отдать; пусть Горький увидит поколение, о котором уже сказки рассказывают и песни поют! Трудящиеся массы книги Горького посвящают своей смене. Народный учитель приложит все свои усилия, чтобы воспитать смену так, как педагогический идеал Горького этого требует, — это наш Ленинский идеал борца и строителя коммунистического общества.